УДК 82-31 doi:https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).1

Л.Ф.Алексеева

ЗВЕНЬЯ СЮЖЕТА О СПАСЕНИИ В ПОЭМЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «ПРО ЭТО»

Произведен оригинальный разбор поэмы «Про это», проведены сопоставления ее образов и сюжетных звеньев с текстом поэмы «Человек». Привлекаются статьи об эпохе и личности Маяковского, принадлежащие Блоку, Цветаевой, Пастернаку. Сделан акцент на духовных аспектах творчества Маяковского, его пророческом даре, трагедии имитированного сотрудниками ГПУ самоубийства.

Ключевые слова: лирический герой, пророк, символ, трагическое миросозерцание, героическая сатира, жизнеутверждающий пафос

При осмыслении личности Маяковского, его творческого наследия необходимо вспомнить аналогию Блока и других поэтов, сопоставлявших революционную эпоху в России и Европе с началом христианства. «Всё отчётливее сквозят в нашем времени черты не промежуточной эпохи, а новой эры, наше время напоминает не столько рубеж XVIII и XIX века, сколько первые столетия нашей эры [1, с.155], — говорил Блок 15 августа 1920 г., за год до собственной смерти и расстрела Н.Гумилева.

События стремительного крушения Русской Державы, как называл Россию В.А.Сумбатов, не давали оснований для оптимизма «Упала Русская Держава / И придавила нас собой…» [2. с. 113]. Блок так характеризовал философские позиции в статье «Крушение гуманизма»: «Оптимизм вообще — несложное и небогатое миросозерцание, обыкновенно исключающее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с *трагическим* миросозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира» [3, с. 105]. Маяковскому было свойственно сверхмощное понимание гибельного положения человека, отказавшегося от веры, застывшего над пропастью в позе самоубийцы. Вопрос о его спасении «старым миром» заведен в тупик, — лирическое «Я» поэта вслед за Владимиром Соловьевым воодушевляется целью реализовать идеал христианского подвига, превзойдя Бога в жизнестойкости.

В статье «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)» (1932) М.И.Цветаева прозорливо высказала мнение об отношении к Маяковскому после его смерти: «Боюсь, что несмотря на народные похороны, на весь почёт ему, весь плач по нём Москвы и России, Россия до сих пор не поняла, кто ей был дан в лице Маяковского» [4, с. 312]. Цветаева находит удивительные определения назначения Маяковского: он был «первым шагом души из хлеба, первой новой российской душою. Маяковский первый новый человек нового мира, *первый грядущий*» [4, с. 312], и принадлежит он, по мнению «конгениальной» (слово А.Н.Толстого) современницы не к миру мастерства, а к миру «чуда». Приоритет духовного над телесным, материальным («хлебом») подчеркнут поэтессой через скрытую евангельскую цитату: «Благословен Грядущий во имя Господне» (от Марка 11: 9, от Матфея 21: 9). Цветаева подчеркнула: «Все поэты: из физики — в психику, Маяковский — из психики — в физику — с нашей точки зрения — ибо для Маяковского, обратно всем поэтам, *слово* было тело, а *дело* — душа» [4, с. 313]. Поэтесса наметила подход к наследию двух выдающихся поэтов (в начале 1930-х годов мыслимый как преждевременный), с её точки зрения, важнейший: «<…> По существу первого и единственного вопроса: об отношении к Богу того и другого, Бога к тому и другому, я сейчас намеренно не подымаю. В свой час» [4, с. 317].

Пастернаковский «час» обозначился после издания романа «Доктор Живаго» и «Стихов из романа». Духовная сторона произведений Маяковского попала в фокус зрения исследователей как самостоятельная тема только к рубежу XX—XXI веков. Применительно к раннему, дореволюционному творчеству Маяковского в начале 1930-х годов намеченный Цветаевой подход весьма убедительно реализован в работах М.В.Силаевой [5], поместившей дооктябрьское творчество в широкий контекст связей с ветхозаветной и евангельской традицией.

В воспоминаниях Пастернака, включенных в «Охранную грамоту», запечатлена картина, как Маяковский «величественно прогуливался по Кузнецкому, глуховато потягивал в нос, *как отрывки литургии* (выделено мной — *Л.А.*), особо глубокомысленные клочки своего и чужого» [6, с. 68]. Ассоциация с церковным действом носит вполне прозрачный смысл. Возникает вопрос о смысле названия «Охранная грамота» — *от кого* и *кого* она охраняет, *спасает*? На встрече со студентами МГУ в 1933 году из уст Пастернака прозвучал банальный вопрос и абсолютно неординарный ответ на него: «Чем был Маяковский в моей жизни? Маяковский был для меня крупнейшим пророком» [7]. Что же пророческого можем мы обнаружить теперь, когда известно так много о жизненном пути и обстоятельствах гибели Маяковского? Пророческий дар, разумеется, нацелен на постижение духовной перспективы, судеб человека и человечества на большом фоне всемирной и вселенской истории. Пророку открываются удивительные виде́ния будущего. Это случилось на заре новой эры с апостолом Иоанном Богословом, который видел и слышал Бога Живаго.

Поэма «Про это» создавалась в начале 1923 года. Ожидаемая всеми, в том числе лирическим героем стихов и поэм Маяковского 1915—1916 годов, революция произошла. Каков же главный ее итог? Избавлен ли герой поэмы «Человек» (1916) от страданий? Тогда, *до революции*, Человек с пламенным сердцем оставался единственным во всей Вселенной. В окружении космической тьмы он был обвит огнём «на несгорающем костре немыслимой любви» [8, с. 272]. Этот плакатно яркий образ был запечатлён поэтом в традициях символистских художественных открытий.

Поэму «Про это» традиционно, — в особенности после узаконенной версии, что Маяковский застрелился из-за неразделённой любви, — принято было считать не только посвященной Л.Ю.Брик, но и видеть в её облике «гвоздь» содержания. Отчасти здесь сыграла роль собственная забота «прототипа» о том, чтобы её считали Прекрасной Дамой поэта. В книжном издании на обложке в центре композиции красовался её портрет. Но если вчитаться в текст, женский образ в поэме представлен далеко не с идеальной стороны, а главное, — лирический герой отнюдь не ставит целью своей жизни завоевание её руки и сердца, — или хотя бы одной из этих ценностей. И отнюдь не она противостоит «самоварным» обывателям. Напротив, налицо её невписанность в фокус стремлений поэта, несоотносимость с его космическим масштабом. Очевидна её принадлежность к глумливому, приземленному, праздно фокстротному, «тустепному» миру, лишённому благородства и любви. Биограф Лили Брик, несмотря на восхищение её женственным обаянием, включает в её портрет немало ужасных, шокирующих нравственного человека штрихов, например: «Похоже, её неуёмная потребность в коллекционировании незаурядных людей своего времени сопрягалась не только с реальной опасностью, сколько с боязнью кого-либо упустить <…>. Гарантию же прочности уз, в её представлении, могла дать только постель, без которой даже очевидный успех не считался подлинной победой…» [9, с. 280]. Не случайно в молитве лирического героя о воскресении в заключительной части поэмы звучит проклятье грубой подмене истинной любви низкими удовольствиями, похотью: «Постели прокляв, / Встав с лежанки, / Чтоб всей вселенной шла любовь» [10, с. 184].

Поэма 1923 года заново обнажает сделанное до революции открытие, что в пространстве бессердечного мира, погруженного во тьму безверия, до Человека, лишенного любви, никому нет дела. Отказавшись от прошлого, люди не могут и не хотят искать высоких ценностей в «новой» жизни, при «краснофлагом» строе. Трагически одинокому человеку по-прежнему нет пристанища в космической темноте мироздания, а земное его существование стабильно: он прикован к перилам моста в позе самоубийцы, не решающегося сделать последний шаг. Философско-историческая тема ложности цивилизационного пути заострена во многих сочинениях современников, среди которых книга О. Шпенглера «Закат Европы», статья А. Блока «Крушение гуманизма», «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилёва, цикл поэм М. Волошина «Путями Каина», произведения Н. Клюева…

В Дневнике писателя за 1877 год Достоевский прозорливо восклицал: «Да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу». Из «Дневника писателя» у Ф.М.Достоевского за 1877 г. процитируем пророческое предвидение: «<…> сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» [11]. Мучительный и трагически жертвенный процесс преображения человека отражают обе поэмы Маяковского.

Автор в декларативном вступлении к поэме «Про это» показывает, что живой человек, — в какой бы должности он ни состоял, какой социальной категории ни принадлежал, любого цвета кожи, принадлежащий любой цивилизации, — жаждет исполнить главное жизненное предназначение — любить, жертвовать собой ради любимого.

Первая глава поэмы названа «Баллада Редингской тюрьмы». Баллада Оскара Уальда, переведенная Бальмонтом и Брюсовым, конечно, была прочитана Маяковским и включена в незримый контекст любовной темы, хотя обозначена только названием главы, странным, на первый взгляд. Сюжет поэмы «Про это», благодаря такому заглавию первой части, включается в религиозно-философский контекст мировой художественно-поэтической мысли, заостряющий вопрос о трагедии греховного человека, утратившего веру в Бога. Что-то пророческое было в этой странной истории об убийце, лишенном христианского погребения. Уайльдовский образ тюрьмы соотнесён с адом, куда попадает преступник без христианского погребения и без перспективы воскресения: «Нас мир, сорвавши с сердца, бросил, / И Бог о нас забыл, / И за железную решетку / Грех в тьму нас заманил» [12].

У Маяковского — после телефонного разговора с возлюбленной — герой, в «медвежьей» ревности и гневе, наплакал столько слёз, что затопил жилище и выплыл в форточку. Гипербола развертывается, реализуясь в многочисленных деталях. Сама по себе гипербола у Маяковского — неотъемлемое качество его поэтического мышления. Как утверждал О.И.Ильин, гипербола у Маяковского носит «всеобщий, ”безграничный характер”» [13, с. 69].

Белый медведь «на подушке-льдине» выплывает к Ладоге, затем к Неве и видит Человека на мосту. Образ, «в отчаяньи созданный мною, // стоит / на своих стоэтажных быках» [10, с. 150]. Четырежды гласит прикованный к мосту Человек: «Спасите!» [10, с. 152]. Ещё сохраняя медвежий облик, герой сознает свой сверх-долг: *спасти* Человека.

Вторая глава поэмы по-гоголевски называется «Ночь под Рождество» Происходит фантастическое возвращение героя поэмы в праздничную Москву. Петровский парк, Ходынка, Тверская, Садовая — локусы Москвы, по которой идет человек-медведь. Вот он сбит оглоблей (или машиной), на него выливает злобу кучер

или шофёр: «Пулей слова матерщины». После пули, которая Дантесом готова была вылететь из телефонного провода, это вторая, убивающая грубостью брани: «Эй, ты! / Мать твою разнэп! // Ряженый!» [10, с. 154]. Рождественский праздник связан с приходом Христа в земной мир, разделенный злобой и враждой, — для спасения человека. Главка «Спаситель» открывается радостной надеждой лирического «Я»: «Я уговорю, / чтоб сейчас же, / чтоб в лодке. // Это — спаситель! / Вид Иисуса» [10, с. 155]. Второе пришествие изменило Его облик: чем ближе Он подходит, тем меньше похож на Христа с иконы: «Лицо молодое безусо. // Совсем не Иисус. / Нежней. / Юне́й» [10, с. 155]. Спаситель вочеловечился у Маяковского в облике комсомольца. Внутри неприязненно отторгнутого поэтом, но ставшего неизбежным пространстве романсового жанра Иисус (он же рядом назван Исус) кончает самоубийством, не в силах одолеть бесперспективности: «Мальчик шёл, в закат глаза уставя. / Был закат непревзойдимо жёлт» [10, с. 155]. Заметим, что здесь явная аллюзия на блоковскую картину из окна публичного дома в стихотворении «Унижение»: «В черных сучьях дерев обнажённых / Жёлтый зимний закат за окном / (К эшафоту на казнь осуждённых / Поведут на закате таком)» [14]. Продажность любви, безлюбая любовь, оскорбительная для человека *низость* таких отношений, которые должны питать жизнь, но загоняют в смерть, — всё это вводит в отчаяние вочеловечившегося посланца неба. Не в силах нести человеческое бремя — Бог (!)— застрелился, оставив привычную для этой ситуации записку. Миссию не вынесшего земного бремени Спасителя, по-ницшевски устранившегося, берет на себя герой-человек, которому одежда небесного Бога мала. Но он её натягивает на себя и в ней остаётся:

Ужас.
Но надо ж!
Дёрнулся к луже.
Залитую курточку стягивать стал. <…>
Напялил еле —
Другого калибра (4, 156).

В окровавленной куртке погибшего Бога появляется герой перед родными и зовёт их спасать Человека. Антисемейные строчки сопровождаются описанием путешествия с мамой в Штетин (обратим внимание — Маяковский употребляет этот топоним, явно намекая на «философский корабль»). Возможно, здесь скрытый намёк, что искать единомышленников, готовых спасать человека, нужно поискать в эмиграции. Однако корабль попадает в бурю, а герой возвратился: «с подарками под мышками» идёт он по Москве праздновать Рождество. Сатирические строчки о том, как отмечают двунадесятый христианский праздник в доме «Фёклы Давидовны», выпукло изображают, что этим *новым* согражданам всё равно: Иисус ли, Маркс ли. Портрет и икона — только детали интерьера в мире торжества пошлости, утробности, где все стремления сводятся к одному: «Поесть, попить / попить, поесть — / и за 66!» [10, с. 164]. Расположение к поэту проявляется в благодушном желании удовлетворить плотоядные желания: «Налей, / нарежь ему. / Футурист, / налягте-ка!» [10, с. 164]. Самые активные, убедительные призывы к спасению человека здесь глохнут: «странно: слова проходят насквозь» [10, с. 165]; «Слова об лоб / и в тарелку — / горохом» [10, с. 164]. Когда хозяин дома высказывает, что он рад гостю, но предполагал, что поэт будет со «своими», намекая, видимо, на тех, кто жил с ним в одном доме в Гендриковом переулке, звучит ответ, определяющий духовный облик сожителей: «Мои свои?! / Д-а-а-а — / это особы. // Их ведьма разве сыщет на венике!» [10, с. 162]. Дома у любимой «во́роны-гости». Откуда такой эпитет в форме приложения? Дело в том, что в этом доме, как показывают документальные расследования конца XX — начала XXI века [например: 15 и 16], целая компания сотрудников ЧК-ГПУ… Здесь заглазно глумятся над поэтом, к чему присоединяется и «ея невыносимый голос» [10, с. 169]. Вместе с *во́ронами* и *ей* чужда мольба о спасении человека. Москва в праздничную ночь напоминает герою «Остров мёртвых» Бёклина. Герой в гневе и отчаянии сливается с тем, кто на мосту, с человеком *прошлого*, готов стоять там не семь, — даже двести лет [10, с. 172].

В Париже, на Монмартре, он застаёт подобные московским сцены пьяного веселья. На благие призывы поэта реагирует хозяин заведения: «В извинение пьяной нагрузки // хозяин гостям объясняет: / — Русский! — / Женщины — / мяса и тряпок вязàнки — / смеются, / стащить стараются / зà ноги: / ”Не пойдём. / Дудки! / Мы — проститутки”» [10, с. 172-173]. Мир, где любовь продажна, где равнодушно убирают с панели тело самоубийцы, непереносим для поэта, и он устремляется «к странами Востока».

Местом его приземления стала колокольня Ивана Великого. Для расшифровки этого символического эпизода обратимся к очерку-эссе Фёдора Николаевича Глинки «Взор с Ивана Великого». Думается, что привлечение этих зарисовок и размышлений повествователя, поднявшегося на самую высокую по тем временам точку Москвы, поможет истолковать эпизод в поэме Маяковского. Процитируем Глинку: «С лестницы на лестницу мы взбирались выше и выше и наконец очутились на самом верху Ивана Великого. <…>Москва расширялась под нами, как море, в туманных отдалённостях… <…> Смотрите, люди движутся, шевелятся, бродят, как муравьи. Какое смятение, какая суета! — это волнение *воплощенных страстей*! <…> Всходите чаще на Ивана Великого, то есть приучите дух ваш возноситься превыше предрассудков и великолепия, и тогда гордость и страсти всегда будут оставаться у ног ваших. <…> Вступая в чертоги сильного временщика, скажите тотчас воображению своему: ”На Ивана Великого!” Тогда, обозрев его не снизу, а с высоты, вы можете говорить с ним, как Гулливер с царём лилипута — вольно и откровенно. Вы будете тогда превыше раболепства, которое, пресмыкаясь в прахе, шепчет малодушным об уничижении. <…> Таков окрыленный независимостию дух благородного человека!..[17, с. 112-114].

Не желая соскользнуть с луковки купола, герой Маяковского хочет остаться на высоте, боясь оступиться и вновь оказаться в царстве «рождественской» пошлости. Он застывает наверху в позе Распятого, как будто вспомнилась детская картинка: «Руки крестом, / крестом на вершине» [10, с. 175]. Здесь немало аллюзий на страдания Христа: героя «заушают», дают ему пощёчины, со всей планеты собираются «человечьи ленты», чтобы глумиться над ним. Поэт кротко сопротивляется: «Я только стих, / я только душа» [10, с. 176]., — но это только добавляет агрессивной энергии тем, кто не терпит духа свободного человека. В речи казнящих поэта есть реплика, напоминающая о дуэли Лермонтова, а для многих современников и просвещенных гуманитариев нашего времени — и о расстреле Н.С.Гумилёва: «А снизу: / — Нет! / Ты враг наш столетний. // Один уж такой попался — гусар! // Понюхай порох, / свинец пистолетный. // Рубашку враспашку! / Не празднуй труса!» [10, с. 176].

Чекист, а затем сотрудник ГПУ и НКВД Яков Агранов, который был постоянным посетителем «салона» Лили Брик, мог рассказать в подробностях о смерти Гумилева, поскольку по указаниям Кремля направлял следствие Петроградской ЧК, завершившееся приговором и убийством поэта. В книге Ю.В.Зобнина «Казнь Николая Гумилева: Разгадка трагедии» [18] подробно освещен облик Агранова, сопоставленного с Дантесом, который знал, в отличие от убийцы Пушкина, «на что он руку поднимал» [18, с. 192]. Было ли известно Зобнину, что этот «гениальный» тайный агент вёл потом дела Есенина, Маяковского, П.Васильева, Мандельштама, Клюева, Клычкова, Мейерхольда, Пильняка? — Об этом в книге о Гумилеве исследователь не упоминает.

Пророчески предсказаны в поэме «Про это» расстрелы поэтов в 1930-е годы, во времена массового физического устранения деятелей русской литературы не только из участия в культурной жизни страны, но и вообще из жизни: «Хлéще ливня, / грома бодрей, // Бровь к брови, / ровненько, // со всех винтовок, / со всех батарей, // с каждого маузера и браунинга, // с сотни шагов, / с десяти, / с двух, // в упор — за зарядом заряд./ Станут, чтоб перевéсть дух, // и снова свинцом сорят. // Конец ему! / В сердце свинец!» [10, с. 176]. В изображении агрессии против Человека, поднявшегося на купол Ивана Великого, можно усмотреть столь же пророческое, как и в стихах Гумилёва, видéние собственного расстрела, вплоть до деталей: на фотографиях, сделанных 14 апреля 1930 года в квартире на Лубянском проезде сразу после выстрела, Маяковский запечатлён в светлой *рубашке* с ярким кровоподтёком напротив сердца (реализован возглас «в сердце свинец!»). Возле убиенного Агранов командовал тремя сотрудниками ГПУ, собравшими бумаги, в том числе изъяли оригинал «предсмертного письма», вырвали листки календаря за 13 и 14 апреля. Пропали и результаты медицинской экспертизы, как свидетельствует В.Скорятин [16, с. 202-216]. В книге Натальи Громовой «Узел», представляющей собой свод воспоминаний и записей о поэтах 1920—1930-х годов, есть свидетельство, которого не хватало Скорятину для завершения книги: «Оксана Синякова (жена Асеева) под страшным секретом рассказывала Наталье Шмельковой, что накануне самоубийства Маяковский раз 15 ночью звонил им и повторял всё время: “Коля, я знаю точно, меня всё равно убьют”» [19, с. 136].

Такое впечатление, что ведущий дело Маяковского Агранов в деталях изучил поэму и организовал и воплотил в реальности всё, что здесь изображено с буквальной точностью, вплоть до того, что архив будет передан в Кремль, и там объявят его «лучшим, талантливейшим»: «Лишь на Кремле / поэтовы клочья / сияли по ветру красным флажком» [10, с. 177]. Но над этим торжеством земной низости, над претерпевшим голгофские страдания поэтом есть звёздное небо. Поэт убит, но поэзия неуничтожима, бессмертные стихи включаются «мирозданию в шум».

Думается, с образом колокольни Ивана Великого, запечатленной Маяковским, и агрессией тех, кто ненавидит высоту, связано у Пастернака стихотворение «Рослый стрелок, осторожный охотник…». При устном прочтении в связи с редукцией гласных оно могло читаться: «Рослый стрелóк, *острóжный* охотник…». Жёсткое кольцо вокруг Маяковского, цепь чекистов, для которых остróги (тюрьмы) были местом их основной работы, была известна Пастернаку. Здесь ощущалась угроза:

Рослый стрелок, осторожный охотник,
Призрак с ружьем на разливе души!
Не добирай меня сотым до сотни,
Чувству на корм по частям не кроши <…> [20, с. 216].

При втором издании этого стихотворения в 1933 году Пастернак изменил его датировку с 1928-го на 1923 год — возможно, как считает Г.Кружков, с целью отвести возможные политические интерпретации [21]. Не исключено, что новая дата уводила от намёка на недобровольный уход Есенина. Поскольку стихотворение переиздавалось после смерти Маяковского, в собственном восприятии Пастернака оно увязывалось с поэмой «Про это» и в целом темой любви и поэзии в творчестве казнённого и опозоренного современника.

Как большинство жителей Римской империи после прихода в мир Христа ещё сознавали себя гражданами старого государства, которое «разлагалось» ещё пять веков, так и современники Маяковского разительно отличались от него самого. Несмотря на роль строителей нового мира, они прочно привязаны к прошлому. Пастернак это выразил в этюдах, посвященных непосредственному переживанию оборвавшейся жизни поэта: «Остальные боролись, жертвовали жизнью и созидали или же терпели и недоумевали, но всё равно были туземцами истекшей эпохи и, несмотря на разницу, родными по ней земляками. И только у этого новизна была климатически в крови» [6, с. 90].

Маяковский с жизнеутверждающей энергией внушал веру в будущий расцвет своей страны, принадлежность её поэтов к вечности, в которой уверенно ощущал и собственное присутствие, недаром последняя глава «Прошение на имя…» посвящена воскрешению убиенного поэта вместе с любимой. Кому адресовано прошение, заполнит некто «товарищ химик» в тридцатом веке… За адресатом «документа» угадывается «Тот, Кто жизнью движет», о Котором шла речь в поэме «Человек»…

Маяковский на протяжении всего творческого пути с удивительной меткостью и настоящим героизмом обнажал и высвечивал разные формы мертвенных тенденций, носителями которого были отнюдь не только классовые враги. Определяя суть творческой манеры Маяковского второй половины 1920-х годов, О.И.Ильин писал: «<…> он связывает трогательное и комическое с трагическим и ужасным. Захватывая всё новые и новые виды безобразного, он стремится поразить его в самое основание. Маяковский прослеживает пути, по которым внешнее зло проникает в наши сердца. Он стремится очистить самую человеческую природу от проникающей в неё обезволивающей “мертвечины”» [21, с. 17].

Забота организаторов «самоубийства» поэта об уничтожении или недоступности документов и даже воспоминаний о жизни и смерти певца и жертвы революции до сих пор составляет препону на пути постижения его наследия. Произведения Маяковского, в частности поэма «Про это», ведут нас к постижению провиденциального смысла пути и личности пророчески одаренного Поэта.

1. Блок А.А. Владимир Соловьев и наши дни (К двадцатилетию со дня смерти) // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. Проза 1918—1921 / Под общ. ред. В.Н.Орлова, А.А.Суркова, К.И.Чуковского. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 154-159.
2. Сумбатов В.А. Русская Держава (Роман в стихах) // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Междунар. науч. конф.: Москва, МГОУ, 27—28 июня 2005 г. Вып. 3. Часть 1. Литература Русского зарубежья. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 107-151.
3. Блок А.А. Крушение гуманизма // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. Проза 1918—1921 / Под общ. ред. В.Н.Орлова, А.А.Суркова, К.И.Чуковского. М.; Л., 1962. С. 93-115.
4. Цветаева М.И. Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак) // Цветаева М.И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 294-318.
5. Силаева М.В. Раннее творчество В. Маяковского в культурном контексте эпохи: Монография. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 160 с.
6. Пастернак Б.Л. Охранная грамота. Шопен. М.: Современник, 1989. 96 с.
7. Пастернак Б.Л. Маяковский в моей жизни [стенограмма выступления на вечере в Московском университете 12 апреля 1933 года] // Литературная газета. 1989. 4 октября. № 40 (5262). С. 5.
8. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. 1912—1917 / Подготовка текста и примеч. В.А.Катаняна. М.: ГИХЛ, 1957. 464 с.
9. Ваксберг А.И. Лиля Брик: Жизнь и судьба. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1997. 446 с.
10. Уайлд Оскар. Баллада Редингской тюрьмы [Электр. ресурс]. URL: http://librebook.me/the_ballad_of_reading_gaol/vol4/1?mtr=. (дата обращения: 03.02.2019).
11. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. [Электр. ресурс]. URL: https://omiliya.org/article/dnevnik-pisatelya-o-sdiranii-kozh-f-m-dostoevskii (дата обращения: 03.02.2019).
12. Ильин О.И. Гиперболы Маяковского // Проблемы развития советской литературы: Сб. статей. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1968. С. 69-99.
13. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. 1922 — февраль 1923 / Подготовка текста и примеч. В.А.Арутчевой и З.Паперного. М.: ГИХЛ, 1957. 452 с.
14. Блок А.А. Унижение // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997. С. 19.
15. Скорятин В.И. Новая версия трагических событий, основанная на последних находках в секретных архивах. М.: Звонница-МГ, 1998. 272 с.
16. Глинка Ф.Н. Взор с Ивана Великого // Глинка Ф.Н. Письма к другу / Сост., вступ. статья и коммент. В.П.Зверева. М.: Современник, 1990. С. 112-114.
17. Зобнин Ю.В. Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 224 с.
18. Громова Н.А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20-х — 30-х годов). М.: Эллис Лак, 2006. 688 с.
19. Пастернак Б.Л. Стихотворения. Поэмы. Переводы / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А.Озерова. М.: Изд-во «Правда», 1990. 544 с.
20. Кружков Г.М. Холод и высота. Две версии [Электр. ресурс] // Новый мир. 2010. № 8. URL: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2010/8/kr12.html // (дата обращения: 03.02.2019).
21. Ильин О.И. Героическая сатира Маяковского. Саратов, 1962. 120 с.

References

1. Blok A.A. Vladimir Solov′ev i nashi dni (K dvadtsatiletiyu so dnya smerti) [Vladimir Soloviev and our days (On the twentieth anniversary of the death)]. Blok A.A. Works in 8 vols, vol. 6. Proza 1918—1921. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 154-159.
2. Sumbatov V.A. Russkaya Derzhava (Roman v stikhakh) [Russian State (Novel in verse)]. Proc. of “Maloizvestnye stranitsy i novye kontseptsii istorii russkoy literatury XX veka”, iss. 3, part 1. Literatura Russkogo zarubezh′ya. Moscow, 2006, pp. 107-151.
3. Blok A.A. Krushenie gumanizma [Crash of humanism]. Blok A.A. Works in 8 vols, vol. 6. Proza 1918—1921. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 93-115.
4. Tsvetaeva M.I. Ehpos i lirika sovremennoy Rossii (Vladimir Mayakovskiy i Boris Pasternak) [Epos and Lyrics of Modern Russia (Vladimir Mayakovsky and Boris Pasternak)]. In: Tsvetaeva M.I. Ob iskusstve. Moscow, 1991, pp. 294-318.
5. Silaeva M.V. Rannee tvorchestvo V.Mayakovskogo v kul′turnom kontekste ehpokhi: Monografiya [Early works of V.Mayakovskiy in tne cultural context of the Era]. Moscow, 2016. 160 p.
6. Pasternak B.L. Okhrannaya gramota. Shopen [Laissez-passer. Chopin]. Moscow, 1989. 96 p.
7. Pasternak B.L. Mayakovskiy v moey zhizni [stenogramma vystupleniya na vechere v Moskovskom universitete 12 aprelya 1933 goda] [Mayakovsky in my life [transcript of a speech at Moscow University on April 12th, 1933]]. Literaturnaya gazeta, 1989, 4 oktyabrya, no. 40(5262), p. 5.
8. Mayakovskiy V.V. Full coll. of works in 13 vols, vol. 1. 1912—1917 / Podgotovka teksta i primech. V.A.Katanyana. Moscow, 1957. 464 p.
9. Vaksberg A.I. Lilya Brik: Zhizn′ i sud′ba [Lilya Brik: Life and Destiny]. Moscow; Smolensk, 1997. 446 p.
10. Uayld Oskar. Ballada Redingskoy tyur′my [Ballad of Reading Gaol]. Available at: http://librebook.me/the_ballad_of_reading_gaol/vol4/1?mtr=. (accessed: 03.02.2019).

11. Dostoevskiy F.M. Dnevnik pisatelya. 1877. [Diary of a writer. 1877]. Available at: https://omiliya.org/article/dnevnik-pisatelya-o-sdranii-kozh-f-m-dostoevskii (accessed: 03.02.2019).
12. Il′in O.I. Giperboly Mayakovskogo [Hyperbola in the poetry of Mayakovsky]. Coll. of papers “Problemy razvitiya sovetskoy literatury”, iss. 3. Saratov, 1968, pp. 69-99.
13. Mayakovskiy V.V. Full coll. of works in 13 vols, vol. 4. 1922 — fevral′ 1923 / Podgotovka teksta i primech. V.A.Arutchevoy i Z.Papernogo. Moscow, 1957. 452 p.
14. Blok A.A. Unizhenie [Humiliation]. Blok A.A. Full coll. of works and letters in 20 vols, vol. 3. Moscow, 1997, p. 19.
15. Skoryatin V.I. Novaya versiya tragicheskikh sobytiy, osnovannaya na poslednikh nakhodkakh v sekretnykh arkhivakh [The new version of the tragic events, based on the latest findings in the secret archives]. Moscow, 1998. 272 p.
16. Glinka F.N. Vzor s Ivana Velikogo [A view from the bell tower of Ivan the Great]. In: Glinka F.N. Pis′ma k drugu. Moscow, 1990, pp. 112-114.
17. Zobnin Yu.V. Kazn′ Nikolaya Gumileva. Razgadka tragedii [Execution of Nikolai Gumilyov. Key to the tragedy.]. Moscow, 2010. 224 p.
18. Gromova N.A. Uzel. Poehty: druzhby i razryvy (Iz literaturnogo byta kontsa 20-kh — 30-kh godov) [A knot. Poets: friendships and breaks out (literary life of the end of the 1920s—1930s)]. Moscow, 2006. 688 p.
19. Pasternak B.L. Stikhotvoreniya. Poehmy. Perevody [Verses. Poems. Translations]. Moscow, 1990. 544 p.
20. Kruzhkov G.M. Kholod i vysota. Dve versii [Cold and altitude. Two versions]. Novyy mir, 2010, no. 8. Available at: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2010/8/kr12.html (accessed: 03.02.2019).
21. Il′in O.I. Geroicheskaya satira Mayakovskogo [Heroic satire by Mayakovsky]. Saratov, 1962. 120 p.

Alekseeva L.F. The storyline of salvation in the poem “Pro Eto” (“About It”) by Vladimir Mayakovsky. A comprehensive analysis of the poem “Pro Eto” (“About It”) from extraordinary perspective is carried out, based on the articles by Blok, Tsvetaeva, Pasternak about the epoch and personality of Mayakovsky. The emphasis is placed on the spiritual aspects of Mayakovsky's work, his prophetic gift, the tragedy of suicide imitated by the GPU employees.

Keywords: lyrical hero, prophet, symbol, tragic world view, heroic satire, life-affirming pathos.

Сведения об авторе. Любовь Федоровна Алексеева — доктор филологических наук (специальность 10.01.01 — русская литература), профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета; modernen@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.